

У ВОД СТРЕМИТЕЛЬНОЙ РЕКИ ВАХШ

Рассказ

Посвящаю маме

Пролог

КРАСНЫЕ НА ЗЕЛЁНОМ, щедро разбросанные по полям и холмам, горели, трепетали от прикосновения ветра и рассыпались от прикосновения руки маки.

А над маками тишина, разлитая в солнечном свете.

А за маками, в синих горах теснятся глиняные аулы. Изредка, еле слышно, оттуда доносятся голоса, иногда песни. В остальное время эти места окутывает тёплая тишина, нарушаемая разве что шорохом травы, в полудрёме покачивающейся под мягкими волнами горячего солнца у вод стремительной реки Вахш.

1

КРАСНЫЕ НА ЗЕЛЁНОМ, ярко-маковые пятна крови выступали на камуфляже. Дребез-

жали, трескались стёкла. Истошно кричали женщины, плакали дети. И снова — пуля. Трескается стекло витрины, осколок, переворачиваясь, впивается в женщину, она замолкает, оборвав вопль. Намокает, становится маковым кружевной платок. Она нервно дёргается и затихает.

— На этот раз мы оказались быстрее, — смуглый парнишка лет пятнадцати довольно улыбается. — Сегодня удача! А ты чего такой хмурый, Сарвар?

— Мирных много перебили, жалко. Такие, как она, не виноваты в грызне, — кивнул на мёртвую женщину Сарвар, огромный бородастый мужчина, и указал на оружие: — Подбери. Сейчас позови ребят на базу, потом по домам. Римка уже ждёт, наверное.

— На кой она тебе? Злая, некрасивая.

— Подрастёшь — узнаешь, — Сарвар ласково потрепал мальчишку по голове. — Ну, иди, зови наших.

2

РИММА ВЫШЛА из ванной и, закутавшись в тёплый махровый халат, легла на диван и включила телевизор.

«Сегодня в полдень снова было совершено нападение ваххабитов на кулябцев. На этот раз

столкновение произошло на севере Курган-Тюбе. Число жертв пока неизвестно».

Римма капризно вздохнула и переключила канал. Выступал какой-то политик: «...Гражданская война — это бесчеловечно! Брат убивает брата, отец сына... Таджикистан поделится на два лагеря: одни хотят создать исламскую республику, другие — советскую. Кто прав? Ваххабиты или кулябцы?»

Римма выключила телевизор и подошла к большому зеркалу. Придирчиво оглядев себя с головы до ног, она тряхнула каштановыми кудрями и довольно улыбнулась. В дверь позвонили. Римма открыла и радостно засмеялась:

— Сарвар! Почему ты так долго? Я по новостям видела, что вы там делали. Справились вы с этой дрянью?

— Да. Послушай, сегодня ты должна будешь позвать соседей к нам в гости на ночь.

— Что-о?! Они мне здесь не нужны!

— Мне тоже. Просто делай, как я сказал, потом всё объясню.

3

В ПАЛИСАДНИКЕ змеился виноград, свисал вниз зелёными выпуклыми гроздьями. Лёгкий запах акации нежил и успокаивал. О чём-то тихо пел ручей и солнечные блики, купающиеся в нём, мягко перекачивались на персиковые деревья и снова ныряли в ручей.

В палисаднике было много цыплят. Они смешно подпрыгивали и пищали, закапываясь в траву и быстро-быстро оттуда выныривая. Неподалеку сидела девочка и любовалась на эти жёлтенькие пушистые комочки.

Сегодня приходила тетя Римма. Она звала их в гости. Она сказала: «Вместе не так страшно».

Под вечер мама с сестрой спрятали цыплят в сарае, взяли девочку и пошли к тете Римме.

4

ТЕТЯ РИММА ПОРХАЛА вокруг стола и суетливо приговаривала:

— Проходите, садитесь за стол, я сегодня плов приготовила. Висола, смотри, какая у меня есть для тебя игрушка.

Римма протянула маленькой девочке облысевшую куклу Барби. Девочка расплакалась и оттолкнула игрушку. Кукла шлепнулась на пол.

— Зоя, что же у тебя дочка такая капризная? Вы ешьте, а то Сарвар сейчас сядет за стол и вам ничего не достанется.

— Дина, что-то я за дом боюсь. На соседней улице Ахмед жил, помнишь? Ну вот, его три дня не было, так там таджики какие-то дом заняли. Просто пришли и внаглую заняли. Ахмед пробовал что-то доказать, так они ему пригрозили, мол, костей не досчитаешься, если что. Вот время настало... — вздохнула Зоя. — Что-то я устала за сегодняшний день. Доченька, пошли спать?

Сарвар, до этого молчавший, поднял голову:

— Да, вы ложитесь и спите спокойно. Мы с Риммой покараулим, мало ли что. Ну, спокойной ночи!

Ночь выдалась спокойной. Таджикские ночи вообще очень тихие. Если выйти на улицу — вокруг только черная бесконечность и медленно остывающий воздух. А вверху, на расстоянии вытянутой руки — звезды! Большие и круглые звезды. И тишина, каждый шорох слышен.

Шорох. Зоя приоткрыла глаза и прислушалась. Ничего. Опять шорох и тихие шаги. Зоя вышла на крыльцо. У дороги с фонарем в руках стоял Сарвар. Римма нервно ходила около него, указывала на другой конец дороги и что-то говорила. Зоя зашла обратно в комнату и прикинулась спящей. Соседи вернулись, посидели, затем снова вышли на улицу. Так прошла ночь.

Утром все пили чай. Позже собрались и пошли в центр города к родственникам. Шли молча, опустив головы, изредка перекидываясь пустыми фразами. На половине пути Зоя не выдержала, подошла к подруге и пытливо глянула ей в глаза.

— Римма, ночью у меня была бессонница, и я слышала, как вы с Сарваром куда-то ходили. Что это было?

— Ладно, расскажу. — Римма сжала пальцы Зои и быстро их выпустила. — В общем, кулябцы узнали, что у ваххабитов за главного Сарвар. Они знают, где мы живем, теперь нам надо скрываться. А прошлой ночью мы вас позвали, чтобы страшно не было. Чтобы, если придут кулябцы... Понимаешь, они расстреляют любого, кто есть в доме, вот мы и выходили на дорогу смотреть: едут или нет. Если едут — побежали бы.

— А мы? — щеки Зои побелели. Римма отвернулась. Дальше они шли молча.

5

СЁСТРЫ С ДЕВОЧКОЙ шли по пыльной дороге.

Днём асфальт сильно нагревался, от него идёт жар. Сверху, еще нестерпимей, жарит

солнце. Жара размаривает и оглушает. Только бы дойти до магазина с хлебом. Там можно отдохнуть. Весь день — очереди большие. Они тянутся многими сотнями изможденных смуглых тел. Они тянутся многими часами так, что к концу перестаешь считать, сколько осталось до заветного окошечка, где за пачку купюр протянут долгожданную буханку хлеба.

Девочка любила рисовать такие очереди зелено-черными красками: зелеными — лица, черными — тела.

Впереди стоящая женщина оглянулась на сестер и, приложив указательный палец ко рту, поманила их в сторонку:

— Вы еще не знаете? Сегодня боевики обстреляли молзавод. Я там еще не была, но говорят, что он разграблен, а на земле валяются куски сыра. Давайте вместе сходим проверить. А вдруг — правда?

Женщины посоветовались и решили оставить Зою с дочерью в очереди, а Дину с незнакомкой направили на разведку.

До завода метров двести. Дина присмотрелась к незнакомке и поежилась: «И зачем я пошла, — думала она и все больше мрачнела, — какая-то она подозрительная, оглядывается постоянно, высматривает что-то.... А вдруг она кулябская? Они как раз узнали, что мы соседи Сарвара». Женщины дошли до завода. Было видно, что совсем недавно здесь происходило нечто ужасное: стекла разбиты, здания обстреляны, а во дворе действительно валяются огромные желтые куски, нет, кусища сыра. Дина остановилась пораженная: в то трудное время семьи приглашали друг друга на «чай и кусочек сыра». Это было честью, так делали только богатые семьи. Простые смертные не могли себе позволить такой роскоши, а тут... огромный двор, усыпанный свежими кусками сыра.

Только Дина бросилась собирать эти куски, как, подняв голову, обнаружила, что из пробоин и из окон здания на двор направлено множество автоматных стволов. Дина беспомощно оглянулась — проводницы и след простыл. Дина присела от ужаса на асфальт. Беспомощная молодая девушка в васильковом сарафане прижимала к себе сырную голову, боясь сделать неосторожное движение.

Выстрелов не последовало.

Дула как бы указывали на выход со двора. Дина медленно поднялась и, пятясь, покинула площадку. Дорогу до очереди она прошла с единственной мыслью: «Надо донести сыр... обязательно».

ДЕВОЧКА ОЧЕНЬ любила Шарика, хорошенького пушистого пёсика, питомца Риммы с Сарваром. Теперь, когда их дом пустовал, только Шарик носился по двору, кувыркался в песке и забегал в гости к маленькой девочке.

Она придумала игру: вынесла мячик и показала его Шарик. Тот лапой отшвырнул мячик девочке. Она — обратно. Так они играли по вечерам в пустом соседском дворе.

А однажды приехала большая машина. Оттуда выпрыгнуло несколько мужчин. Они нырнули во дворик и обнаружили девочку, играющую с Шариком. Один из мужчин подошёл к ней и сильно встряхнул:

— Где Сарвар? Отвечай, где Сарвар?

Девочка закричала и разрыдалась.

Шарик, не помня себя от злости, вцепился в руку мужчины и повис, бессилён сделать что-то другое.

Раздался оглушительный хлопок. Шарик разжал челюсть и безвольно шмякнулся об асфальт. Задержался, посмотрел на девочку и замер.

— Была б ты дочерью Сарвара, тебя бы так же пристрелил, — обратился к малышке боевик, — увидишь подонка, передай, что его ждет участь этой собаки.

ПО ЗЕМЛЕ ЛЕТЕЛА река. Широкая, стремительная река Вахш. Когда-то, в мирное время, в ней любили купаться местные мальчишки. Теперь даже в сильную жару реку обходят стороной.

В тот день сестрам и девочке нужно было перебраться по мосту через Вахш, чтобы уйти в соседний городок — там было спокойнее.

В этот день, собирая вещи, Зоя задумалась и погрустнела:

— Знаешь, Дина, мне сегодня не хочется идти. Может, отложим на завтра?

— Зоя, ну давай, ты как-то справишься со своей усталостью? Чем быстрее соберемся, тем лучше.

Зоя подошла к окну. Она любила смотреть на свой палисадник, где росли, посаженные родителями, акации, виноград, алые гранаты и кусты желтых роз.

Она распахнула окно, протянула руки к любимым розам и вдруг — змея! Обвившись вокруг балки палисадника, змея свисала, раскачиваясь, извивалась, сползала вниз, к раскрытому

окну, не отводя при этом жалющих глаз от женщины.

Та вскрикнула и быстро захлопнула ставни:

— Вот кошмар, всю жизнь прожила в Таджикистане, а змей до сих пор боюсь. Эта была какая-то особенная. Особенно злая... Дина, я думаю, это знак. Нет, мы сегодня никуда не пойдём.

Зоя отворила дверь в комнату своей дочери и, застыв, любовалась ею, безмятежно спящей в своей кровати.

Она легла рядом с дочерью и незаметно задремала.

8

ПО ЗЕМЛЕ ЛЕТЕЛА река. Широкая, стремительная река Вахш. Через нее перекинулся и застыл крепкий железный мост. По мосту шли беженцы с ишаками, запряженными в телеги, — шли подальше из родного города. Их было много, измученных и голодных. Они шли молча, слышно было только гроыхание телег и негромкое, будто предостерегающее пошептывание Вахша.

Постепенно тишина стала нарушаться звуками подъезжающих грузовиков. Люди недоуменно переглядывались и останавливались на мосту; между тем на него взбирались новые и новые беженцы, началась давка. Грузовики останавливались на берегу, из машин выпрыгивали и быстро бежали мужчины в камуфляже. С другой стороны реки происходило то же самое. Люди на мосту поняли, что будет перестрелка, и как-то резко смолкли. Молоденькая девушка подняла взгляд к небу и прошептала: «Аллах, дай только ребёнку выжить». Она прижала сына к себе: «Радость моя, не плачь, может, обойдётся». Ребёнок заглянул в глаза матери: «Мама, банда, да?» Девчонка заплакала: «Да, сынок, банда. Ты закрой глазки, не смотри...»

Началась перестрелка.

Пуля раскроила голову старику. Брызнула кровь, тело, залитое кровью, осталось извиваться на мосту.

Тощий смуглый подросток кинулся было бежать, но и его остановили пули. Грудь и плечи покрылись решетом ран. Мёртвый, он инстинктивно пробежал ещё несколько метров и упал с моста. Вахш равнодушно проглотил безжизненное тело.

Грузная женщина бросилась бежать к тому концу моста, откуда стреляли кулябцы: «Своих-то не убивайте! Я за коммунистическую респуб-

лику!! Я за ком... — пуля прервала её остервенелый вопль, — ком... будь... те прокля...ты», — женщина раздирала на себе платье, корчилась от боли, тихо поскуливала.

Девушка лежала на мосту с ребёнком, закрывая ему глаза. Мальчишка не плакал, а только иногда спрашивал: «Еще не все? Нет? А нас не убьют?» Понемногу затихала пальба, грузовики отъезжали. Слышался непрерывный плеск реки: равнодушные воды поглощали всё.

Девчонка не выдержала и бросилась бежать, крепко прижимая малыша, когда оглянулась, поняла, что кровавая река осталась далеко позади, и только теперь она свалилась на траву и отпустила ребенка.

9

ПО ПЫЛЬНОЙ ДОРОГЕ в трясущемся грязном грузовике ехали ваххабиты. Смуглые, обросшие, пьяные и довольные. Сарвар выпрямился в кузове в полный рост, вдохнул тёплого ветра и, сорвав автомат с плеча, принялся палить в воздух.

Вся братия тут же вскочила на ноги, достала оружие и начала разрывать воздух пулями, оглашая окрестности диким смехом и воплями.

А на дне машины лежал связанный, избитый кулябец, корчившийся, словно от ударов, при каждом крике и выстреле.

К Сарвару подбежал подросток. Его глаза светились фанатичным восторгом:

— Это ведь правда? Мы будем править миром и дарить ислам неверным?

Сарвар довольно расхохотался:

— Мы захватим мир!!! И везде будет ислам. Везде, слышишь? — Он пнул кулябца.

Грузовик свернул с дороги и остановился возле маленькой кирпичной постройки. Когда-то это зданье служило баней, теперь это был штаб боевиков.

Сарвар с друзьями выпрыгнули из машины и с пинками поволокли связанного кулябца в штаб:

— Ну, сейчас разомнёмся и телевизор посмотрим. Да, товарищ? — Сарвар ехидно глянул на пленника.

Кулябец, длинный, сутулый старик, молчал. Все эти грязные бородатые лица слились в одну чудовищную, хохочущую гримасу. Он зажмурился: «Собрались смотреть телевизор. Может, обойдется? — мысли пленника путались. — Но тут нет телевизора...»

— Что ж ты молчишь-то? — Сарвар бешено тряс старика.

— А что говорить, товарищ?

— Какой я тебе, в жопу, товарищ?! — Сарвар с размаху ударил старика, лежащего на полу. — Ну что, ребята, посмотрим телевизор?

Боевики довольно заулыбались. Иногда они позволяли себе одно маленькое удовольствие.

Сарвар снял со стены пилу, наступив на шею, придавил голову старика к полу. Руки и ноги кулябца бессильно задергались, из его горла донесся тихий хрип. Сарвар поднес лезвие к шее и тут же в несколько резких движений перепилил шею. Схватив голову за уши, он поставил ее на табурет. Боевики воткнули в ноздри электрические проводки и пустили ток из генератора. Голова задергалась, открылись глаза, рот скривился, из него потекла кровь. Боевики смеялись и оралы: «Яхши, яхши!»¹ Наконец, голова широко открыла рот, обнажила зубы в ужасающем оскале и застыла.

10

— **ДОБРЫЙ ДЕНЬ**, товарищи! — Полноватый, представительный мужчина вошел в зал, до отказа набитый людьми в камуфляже. — Жду отчета о событиях на реке Вахш.

Просторная аудитория охранялась высокими плечистыми боевиками с оружием наперевес. Они неспешно прогуливались по дощатому паркету и внимательно следили за всеми присутствующими. С кресла поднялся юноша:

— Добрый день, командир! Операция прошла благополучно, но в наших рядах есть потери. Три человека убиты, один взят в плен... Думаю, мы с ним больше не увидимся.

Командир задумался, затем снова обратился к аудитории:

— Я должен сообщить вам, что наши противники за последние дни заняли три центральных здания в городе. Пора идти на крайние меры. Всем вам известно, что на другом конце города расположилась российская 201-я мотострелковая дивизия. Россия выслала войска, но они бездействуют, непонятно чего дожидаясь. Думаю, пришло время воспользоваться услугами наших товарищей, — командир заговорщицки улыбнулся...

В эту ночь можно было увидеть странную картину: у российской дивизии, присланной

для восстановления покоя и справедливости, угоняли танк кулябцы, покой и справедливость нарушившие.

11

— **САРВАР!** Сарвар! — В окно бешено стучали и звали испуганным голосом. — Сарвар, открой, это я!

Сарвар открыл глаза, прислушался и недовольно покосился в сторону окна. Рядом спала Римма. Он поглядел на нее, вздохнул, откинул одеяло и пошел открывать дверь. На пороге стоял его давнишний друг, верный, как щенок, молодой парнишка. Его угольные глаза живо блестели, он был взволнован и напуган:

— Учитель, беда! Кулябцы приехали на огромном танке и бомбят здания, которые мы захватили, убивают наших. Что делать?!

Сарвар побледнел и быстро сглотнул. Подумав, он приказал:

— Беги, скажи остальным, чтоб собирали отряд для сопротивления. Только быстрее беги, а я скоро подъеду. Вот оденусь, скажу Римме и сразу к вам!

Мальчишка кивнул, повернулся и засверкал пятками по асфальту в направлении центра города.

Сарвар проводил его взглядом, с силой ударил кулаком по двери и зашел в комнату. Римма так и не проснулась. Он подошел к ее кровати, дотронулся губами до щеки и вышел из комнаты во двор. За углом дома было местечко, где хранились общие деньги банды. Сарвар быстро разложил пачки хрустящих купюр по сумкам и сел в автомобиль. Машина заурчала и понесла Сарвара узкой дорогой вон из города.

— Неплохо я здесь пожил, — включая музыку, проговорил Сарвар, — совсем неплохо. Думаю, этот город обойдется без меня.

12

ТАНК ДВИГАЛСЯ по городу железным чудовищем, изрыгающим пламя. Курган-Тюбе тоннул в огне, захлебывался дымом и кричал головами испуганных до безумия жителей. Пятнадцатилетний паренек, Сарваров щенок, как его называли, смотрел на пылающий город, смотрел и плакал, когда его грубо толкнули сзади. Паренек оглянулся и замер — перед ним стоял вооруженный кулябец:

— Ты кто? Покажи документы.

Мальчишка побледнел и бросился было бежать, но тщетно — через минуту его догнали.

¹ Хорош! Хорош!

— Ты что, сдохнуть быстрее решил, — кулябец был в ярости. — Документы давай показывай.

Парень протянул ему паспорт.

— Так... Асанов Рустам Тимурович.... Ба, я смотрю, лица знакомые! Пойдем-ка со мной, малыш!

Боевик схватил мальчика за шиворот и потащил за собой.

Мутные воды широкой стремительной реки Вахш отражали огонь пылающего города. Изогнутой тенью свисала над ними громада моста. Здесь странным образом прерывался шум опального города. Был слышен только стук каблучков по металлу, эхом разносящийся над водой.

Кулябец шел топить ребенка.

Эпилог

ПРОШЛО время.

Римма родила от Сарвара — ребенок скончался еще в роддоме. Римма спилась и бесследно исчезла.

Бравый Сарвар так и не вернулся в родной город. Куда он уехал и где теперь, остается загадкой. Его дом, где они жили с Риммой, заняли бедствующие цыгане.

Девочка выросла. Ее семья эмигрировала из Таджикистана.

Она больше никогда не видела ни маковых полей, ни аулов, ни равнодушных вод широкой стремительной реки Вахш.